

Восемьдесят лет назад ученик Станиславского Евгений Багратионович Вахтангов прочитал лекцию, которая открыла путь новой школе и новому театру. Юбилей — дело особое, не всегда искреннее, чаще всего формальное. Но тут отдельный случай: речь идет об одном из лучших русских театров, о великой театральной школе. За восемьдесят лет своего существования «Щука» выпустила 2326 актеров и 745 режиссеров. Тут в разное время были воспитаны целые коллективы: студия Ю. А. Завадского, латышский театр «Скатуве», студия Евгения Симонова. Эти принципы живы в творчестве Стриженова, Самойловой, Чурсиной, Быкова, Филатова, Демидовой, Гундаревой, Збруева, Смехова, Высоковского, Ширвиндта, Державина, Симоновой, Вертинской — имена этих выпускников училища способны украсить любую афишу, любую труппу страны.

Основополагающий, вызывавший разнотолки в учении Вахтангова принцип фантастического реализма всегда воспринимался с некоторым флером таинственности. Хочется, наконец, снять последнюю пелену непонимания.

«Верно найденные театральные средства дают автору подлинную жизнь на сцене. Средства можно научиться, форму надо сотворить, надо нафантазировать. Вот почему я это называю фантастическим реализмом». По-моему, обезоруживает уже само по-детски звучащее, наивное объяснение принципа самим Вахтанговым.

Г. А. Товстоногов, когда увидел спектакль «Принцесса Турандот» «пережил потрясение... По внешним признакам, по характеру общения с залом — это был действительно театр представления, но актеры существовали в спектакле по законам театра переживания».

Именно этот принцип существования актеров в «Принцессе Турандот», не нарушавших жизненной правды, вызвал у Станиславского бурное выражение признательности: «...милому, дорогому другу... единственному преемнику, надежде русского искусства», и, наконец, «...будущему руководителю русского театра» — это же не шутки даже в возбужденном состоянии. И тут же подтверждение здравомыслящего человека: «Закон внутреннего оправдания сохранил для себя Вахтангов на всю жизнь... и Турандот... несколько этому основному закону, воспринятому Вахтанго-

ципов и приводит к «жизни человеческого духа», цинично подменяется жизнью человеческого тела, другими посторонними интересами, к искусству драматического театра отношения не имеющими.

Меняется время, меняются люди. Исчезают принципы — не только в искусстве. Я уже не говорю о том времени, когда обращалось внимание на косметические принципы, когда не было уборщиц и студенты трепетно мыли полы — сейчас их не моют ни студенты, ни уборщицы. Я го-

ре» (то есть в театре, воспитанном в традициях, о которых идет речь).

Молодой Товстоногов, обращаясь к Немецкому-Данченко за помощью, растерянно констатирует: «Искусство театра воздействует, оказывается, на зрителя и без подлинного актерского мастерства. В этом и сила, и несчастье этого искусства. Эта мысль не нова, но для меня это второе открытие Америки». «И сила, и несчастье» в этой сакральной фразе действительно тайна, где сталкиваются сила искусства

был по-весеннему пьянящим, мне казалось, что я слышу щебет этих птиц — это было подлинное произведение искусства. Через некоторое время я увидел картину, где в той же мизансцене были грани, церковь в отдалении, деревья, но это было несчастье, о котором говорил Товстоногов. Саврасов спился и копировал известный сюжет за бутылку. Исторический факт.

От великого до смешного один шаг — я это имею в виду, когда говорю и о делах наших театров, причем полшага мы уже сделали.

Мы легкомысленно относимся к тем ценностям, которые накопил русский театр и в результате занял почетное место в мировом драматическом искусстве. Это наше культурное достояние, ценность, которая создается годами упорного труда, а утрачивается очень быстро, и никакие случайные соединения актеров на одну пьесу, преследующие корыстные или конъюнктурные цели, никакие «артели» даже хороших мастеров не заменят стационарного театра с его возможностью накопления традиций, воспитанием, выработкой вкуса...

Но при всех обстоятельствах, как бы они ни складывались, гибель театра — это пока еще не гибель учения. У театров могут быть разные периоды, при которых им не удастся сохранить цивилизованные, традиционные условия, которые у нас сложились в результате практики репертуарного театра и постоянных трупп.

Эти традиции, основу учения, принципы воспитания, метод должны сохранить учебные заведения, которые в силу своего положения меньше подвержены бурям, сотрясающим общество. И тогда останется надежда, что мы справимся с Лихолетием и сохраним традиции, на которых должно строиться настоящее искусство.

Театр без школы — временщик. А Школа, к счастью, у нас есть. На требовательность этой школы обижаются несколько лет, зато знамениты бывают всю жизнь.

УЧЕНИЕ ВАХТАНГОВА ВЕЧНО, *Учезетия. - 1994. - 22 окт. - с.6.* ПОТОМУ ЧТО ОНО ФАНТАСТИЧНО

вым от корней Художественного театра, не противоречит» — Немецков-Данченко.

Значит, вахтанговский принцип фантастического реализма в «Принцессе Турандот» не помещал отцам-основателям безоговорочно его принять, увидеть общие корни, более того, понять, что Вахтангов пошел дальше.

Я думаю, фантастический реализм Вахтангова давно понял и реализуется на практике, но для нас вопрос не в каком-то одном принципе, пусть даже близкого нам учения. Вопрос должен стоять гораздо шире, когда под угрозой само существование русского театра. Необходимо ставить вопрос о поспешно уходящем профессионализме, о сомнительном вкусе, низкой культуре. О каких отдельных принципах можно сейчас говорить, когда основа, суть системы, которая складывается из отдельных прин-

ципов, а существования театра вообще в том виде, в тех организационных и художественных формах, в которых мы смогли достичь настоящих высот. Речь идет о национальном театре. Я говорю о пугающей меня тенденции уничтожения стационарных, репертурных театров, где только и может рождаться та атмосфера, которая призвана регламентировать наше искусство, воспитывать, вырабатывать, создавать «коллективы единомышленников».

Разгневанный Станиславский в последние годы жизни, комментируя очередное хамство в адрес театра, писал сыну: «...Они отлично понимают, что традиции, корни русского искусства, знание, опыт, талант, актерская индивидуальность — только в нашем теат-

и несчастье непонимания, неумения отличить подлинное от подделки.

Есть люди с врожденным вкусом и природным восприятием искусства, но это избранные, остальные надо воспитывать на высоких образцах. Только тогда для них открывается глубина подлинных произведений «красоты, которая призвана спасти мир», и они научат отличать искусство от неискusstва.

Разве великие итальянцы Леонардо, Тинторетто, Тициан, Боттичелли писали не ту же природу, не те же сюжеты, которые были доступны любому посредственному их современнику, и наверняка было много произведений, где они были изображены, но до нас не дошли, потому что не впечатляли — искусство там не было.

Все знают картину Саврасова «Грачи прилетели» — искуснейшее произведение, где даже воздух